

От редактора

Дорогие читатели!

Мы меняем формат рубрики рецензий. Теперь журнал будет освещать не только книги. Способы говорить об истории не ограничиваются жанрами монографии и учебника. В этом выпуске вниманию читателей предлагается подборка-дискуссия, объединённая общей темой – начальной эпохи становления Древней Руси и отношений восточных славян с народами Европы. Предметами обозрения стали: книга; цикл работ, принадлежащих одному автору и объединённых общим сюжетом; прошедший зимой этого года в кинотеатрах художественный фильм «Викинг», вызвавший весьма эмоциональную реакцию в сообществах историков (как профессионалов, так и любителей). Сама по себе задача уговорить авторов перейти из эмоционального режима в аналитический и высказаться о фильме как об интерпретации истории оказалась нетривиальной. Мне представляется, что проявившиеся таким образом контексты восприятия истории заслуживают внимания.

М. В. Елифёрова, главный редактор

Остроумие против археологии

Толочко А.П. Очерки начальной Руси. – Киев – СПб.: Laurus, 2015. 336 с.

В современной научной литературе *литературным* достоинствам – включая удобочитаемость – часто отводится второй план. Тем отраднее видеть работу, написанную легким и ясным слогом, в котором авторская мысль течет как ручеек по камешкам. Это новая книга Алексея Толочко «Очерки начальной Руси», вышедшая в 2015 г.

Книга превосходная, и ее качества вовсе не исчерпываются одним только литературным языком. Работа затрагивает важнейшие вопросы начальной истории Руси, варяжского вопроса, по которому историки ломают копья уже в течение двух с половиной столетий. Автор не только выдвигает свое видение проблемы, но и приводит целый ряд аргументов, возразить которым весьма непросто, несмотря на то, что видение это часто стоит особняком от сложившихся в научной литературе мнений.

Выводы эти, правда, порой сомнительные. Но это не противоречит тому, что работа превосходная. Впрочем, обо всем подробнее.

«Повесть временных лет» как литературное произведение

Важнейшая, и на мой взгляд наиболее, ценная часть книги Толочко посвящена «Повести временных лет» и вопросу достоверности ее сведений. Вопрос этот в историографии жгучий. В XIX в. М.Т. Каченовский пытался опровергнуть достоверность летописи, за что был жестоко бит М.П. Погодиным [Погодин 1839: 8-13]. Критика его, впрочем, была точной, логичной и аргументированной.

Толочко отрицает достоверность большей части летописных сообщений (но не всех), и делает это совершенно иначе, чем все предшествующие критики. Во-первых, он показывает, что «предшествующие своды», о которых говорил А.А. Шахматов и его последователи, суть фантомы. Шахматов, как известно, пытался критически исследовать летописи, чтобы извлечь из них изначальные своды, которые были частью искажены, частью переработаны последующими переписчиками и составителями.

Так вот, Толочко обратил внимание, что сам текст летописи не давал повода думать, будто он подвергся сильной литературной переработке, что филологи в России почти совершенно не изучают вещную сторону средневековой письменности, что сами сторонники Шахматова избегают пользоваться воссозданными им «изначальными сводами». Толочко пришел к выводу, что само по себе изыскание ставило целью удревнить русское летописание, приблизить его к описываемым событиям и тем самым поднять достоверность летописных сведений (с. 30-31).

Толочко напоминает, что средневековые летописцы имели дело со страшно дорогим пергаменом, очень редкими книгами, большими и тяжелыми, так что внесение в тексты мелких правок, на которых вся шахматовская теория и была выстроена, было исключено. Пергамен также весьма устойчивый материал, и если бы «Начальный свод» в самом деле существовал, то он бы использовался наряду с ПВЛ, и тем самым попал бы во множество списков в хорошо узнаваемом виде (с. 41-42). Для шахматовской реконструкции это довольно неудобные моменты.

Однако основная заслуга Толочко не в этом. Он показал, как именно создавалась ПВЛ и что послужило для нее основой. В летописной хронологии оказывается удивительная симметрия. В центре стоит дата: 912 год. От нее в прошлое отложено 33 года (правление Олега) и 27 лет (от призвания до смерти Рюрика). В будущее от 912 года также отложено 33 года (правление Игоря) и 27 лет (правление Святослава). В летописном летоисчислении центральная и крайние даты оказываются круглыми: 6360 – 6420 – 6480 (с. 50). Толочко указывает, что эти даты (912 – 945 – 972) были датами русских договоров с Византией, которые летописец явно позаимствовал из византийского источника. Причем тексты договоров в летописи сохранились даже вместе с переведенным с греческого копийным формуляром. Эти документы были найдены в византийских архивах и попали в Киев в начале XII в. Толочко делает предположение, что договоры разыскивались в связи с претензией киевского князя на город Дристр на Дунае, которым когда-то владел Святослав.

Толочко здесь вспоминает и о странном начале Русской истории под 852 г. и ошибочным началом правления императора Михаила, а также ошибочной дате «похода Аскольда и Дира» на Константинополь под 866 г. Летописец использовал две хронологии: антиохийскую эру для расчета своей хронологической симметрии и константинопольскую эру для расчета «начального года», имевшего чисто символическое значение. Эти особенности летописного летоисчисления открыл в начале XIX в. Филипп Иоганн Круг, и он же определил, что призвание князей должно было состояться в 852, а не в 862 г. [Krug 1848: 131-132], но его открытие постигла удивительная судьба: оно было запрещено лично императором Николаем I в 1852 г.

Толочко убедительно демонстрирует, что до обретения этих сведений в Киеве ничего о древней истории Руси не знали. На это явно указывает знаменательный факт. Три князя подряд – Олег, Игорь и Святослав – начинали войну с Византией за четыре года до подписания договора и умирали на следующий год после подписания договора (с. 49). Если бы был один такой случай, вопросов не возникало бы. Но три князя подряд – это закономерность, к реальности отношения не имеющая, особенно в свете того, что все они умерли, по летописи, от неестественных причин (Олега укусила змея, Игоря убили древляне, а Святослава зарубили печенеги). И в дальнейшем наблюдается такая же картина. Даты рождений и смертей князей в начале XI в. также проставлены симметрично, через три года, что вряд ли соответствует исторической реальности. Это также показывает, что в Киеве к

моменту составления летописи настоящих дат не помнили, а знали только последовательность князей, что весьма характерно для устного предания (с. 64).

Хронология ранней русской истории оказывается искусственной, как и большая часть летописных сведений о ней. Но позиция Толочко кардинально отличается от позиции скептика Каченовского. Он говорит, что ПВЛ, хотя и была литературным произведением с многочисленными вымышленными деталями, тем не менее опиралась на реальные факты, добытые в Византии. Потому-то она в известной степени подтверждается сведениями из иностранных источников. Демонстрация внутренней «кухни» летописца настолько наглядна, что ей нельзя возразить.

Из этого следует вывод, что большая часть сведений за IX-XI вв. в летописи является вымыслом летописца, и реальная история Руси с ними не совпадала. Толочко, впрочем, сделал попытку эту реальную историю реконструировать.

Рабовладельческая концепция Толочко

Толочко создает свою реконструкцию, исходя из анализа единственно достоверных сведений – текстов договоров. И вот тут он приходит к сомнительным на мой взгляд, выводам, которые стоит рассмотреть подробно.

В основе его концепции лежат рассуждения о том, что владения первых русских князей были по характеру организации не государством, а чем-то вроде более поздних торговых компаний: Ост-Индской компании или компании Гудзонова залива, которые проникали в другие земли и там создавали выгодную торговлю. По мнению Толочко, и в раннем средневековье возникали подобные организации, которые, в отличие от поздних аналогов, развились в государства, тем более что русские князья не действовали от имени заморской метрополии, а были сами себе и «метрополией» и «колонией» (с. 109).

Толочко также указывает, что, кроме «киевской компании», на Руси было еще несколько: на Ладого, в Приильменье, на Верхнем Днепре и на Западной Двине в Полоцке, причем летопись даже упоминает вождя «полоцкой компании» – Рогволода (с. 111).

Проведение параллелей с торговыми компаниями – ход интересный, однако в дальнейшем Толочко все известные письменные источники рассматривает через призму этой гипотезы. Поскольку сведения эти крайне малочисленны и разрозненны, то и ему приходится отправляться в различные допущения, чтобы выстроить сколько-нибудь цельную гипотезу истории древней Руси. С ней-то как раз нельзя согласиться.

Во-первых, Толочко фактически игнорирует обширный археологический материал и результаты его изучения, накопившиеся за последние десятилетия весьма интенсивных раскопок. Его представления явно порождены литературой: Толочко говорит, что археологи будто бы опираются только на скандинавские материалы, монетные находки и следы торговых занятий, и это-де не дает оснований отождествлять варяжское государство со скандинавскими находками (с. 121-122). Мол, эти предметы могли попасть в ходе обменов, торговли и военной добычи. Парадоксально, что Толочко блестяще опроверг построения многих советских историков по части ПВЛ (к примеру, Б.А. Рыбакова), что нимало не помешало ему взять их аргументацию насчет скандинавских вещей и утверждения про автохтонность местных политических элит.

Его аргументацию подрывает хотя бы то, что среди скандинавских вещей есть немало таких, которые не имели никакой ценности, ни меновой, ни в качестве сокровищ. Трудно поверить, что скандинавский лепной сосуд и свалившийся с ножен наконечник типа бытовавшего в Бирке в первой половине X в. (оба найдены в остатках избы на Рюриковом городище в 1996 г.), были продуктами обмена или были трофеями.

Также многие украшения в скандинавском стиле явно изготовлялись на месте, и были найдены даже остатки такого ювелирного и бронзолитейного производства (см., напр. [Плохов 2003]). Металловедение показывает появление в варяжскую эпоху новой, более сложной технологии обработки железа, выходящей из Скандинавии. Это все показывает, что

выходцы из Скандинавии на Руси проживали длительно, а раз так, то и какая-то организация у них была, особенно если учесть иноплеменное окружение.

Во-вторых, магистральной мыслью его реконструкции является то, что компания воинов и купцов занималась преимущественно работоторговлей. Об этом исследователь заявляет сразу же (с. 11). Это, впрочем, нисколько не помешало ему на той же странице декларировать, что он не следует никакому методологическому принципу. Между тем исходить из гипотезы, что в основе торговой деятельности русских князей лежала работоторговля – это и есть методологический принцип, к тому же в его работе проходящий красной нитью через все рассуждения.

Более того, Толочко попытался оспорить представление, что Русь продавала в больших количествах пушнину. Он отмечает, что за X в. через Русь прошло около 125 млн. дирхемов (с. 176). Далее он указывает, что в письменных источниках зафиксирован вывоз пушнины на рынки в Булгар и даже приводятся цены на шкурки – два или два с половиной дирхема за шкурку соболя, горностаия или куницы. Согласно подсчету Толочко, за годовую выручку примерно в 1,2 млн. дирхемов следовало продавать от 500 до 625 тысяч шкурок (с. 178). Заготовку такого количества пушнины он считает невероятным для X в. и потому считает, что основную часть серебра русы выручали за рабов.

В общем и целом, от его реконструкции создается впечатление, что автор подгоняет имеющиеся письменные и отчасти археологические сведения под свою концепцию рабовладельческой компании, которая потом переросла в государство.

С точки зрения сибирской аналогии

На мой взгляд, Толочко изначально пошел по неверному пути, сделав основную ставку на тему работоторговли и попытавшись из нее объяснить возникновение Руси.

Начать нужно, пожалуй, с того, что его параллель с европейскими компаниями весьма интересна, но вряд ли без существенных оговорок подходит именно к Руси. Есть параллель и точнее – освоение Сибири, которое, как известно, базировалось именно на извлечении пушнины в порядке взимания ясака.

Во-первых, статистические данные по пушной торговле XVII в. показывают, что достигнуть уровня в 500-600 тысяч шкурок в год было вполне реально. В 40-х и 50-х гг. XVII в. из Сибири вывозилось около 145 тысяч одних только соболиных шкурок ежегодно, а всего с 1621 по 1690 гг. было заготовлено более 7 млн. соболей [Старцев, Гончаров 1999: 30]. Продажа через Архангельск в 1653 г. составляла 579 сороков соболей, 355,9 тысяч белок, 360 сороков куниц, 287 сороков норок, 15,9 тысяч лисиц, 228 сороков горностаия, 18,7 тысяч собожьих хвостов и брюшин, 15,5 тысяч собожьих пупков, 28,7 тысяч штук кошек [Огородников 1890: 111]. К слову сказать, в те времена продавалась белка, добытая не в Сибири, а на Руси: русская или клязьменская белка.

В свете этих данных (которые, нужно учесть, засвидетельствованы после нескольких веков весьма интенсивной заготовки пушнины, тогда как варяги организовали добычу пушнины в лесах, почти не тронутых столь массовой промышленной заготовкой), можно считать, что продажа пушнины в количествах, позволяющих выручать по 1,2 млн дирхемов в год, была в то время вполне достижимой. Нужно подчеркнуть, что точных статистических сведений о пушной торговле русов у нас нет, а в письменных источниках отразились сведения только по самым ценным мехам. Сколько и каких именно мехов продавали русы в Булгаре, мы никогда не узнаем. Но и почва для домыслов тут вряд ли есть.

Во-вторых, именно сибирский пример показывает, что заготовка пушнины и торговля вполне себе подразумевала политическую организацию. Первое, с чего начинали русские в Сибири, так это с приведения в подданство местных племен и взятия с их предводителей клятвы на верность (шерти). Нет оснований думать, что и в варяжские времена было по-другому.

В-третьих, сам способ освоения Сибири чрезвычайно похож на варяжский. Русские казаки продвигались так же, на стругах и лодках, по главным рекам, крайне немногочисленными отрядами, ставили деревянные укрепления – остроги – в удобных местах, приводили в покорность окружающие их племена, налагали на них ясаки (в среднем по 5 соборей на взрослого мужчину [Лаппо-Данилевский 1890: 418]), а также заводили свои пашни, рыбные промыслы и сами добывали пушнину, отнимая участки у местных жителей. Весь этот процесс хорошо описан в документах.

С археологической точки зрения, следы русского проникновения в Сибирь представлены немногочисленными укрепленными поселениями, без монументальной фортификации, на которых в изобилии присутствует русский импорт. То же самое можно сказать и про варяжское проникновение на Русь: немногочисленные городища со скандинавским импортом. На мой взгляд, русский способ освоения малозаселенных, таежных и подтаежных территорий по Уралу и в Сибири наследует варяжскому способу освоения Руси, отчего и происходят эти многочисленные сходства.

В-четвертых, сибирские материалы позволяют разобраться и в работорговле. В Сибири до начала XIX в. рабы (называемые заимствованным из тюрских языков словом *ясырь*) покупались и продавались легально, но численность их была невелика. Так, во время 1-й подушной переписи 1718-1724 гг. все рабы в Сибири были положены в подушный оклад и уравнилены с крепостными крестьянами. Таких в 1719 г. набралось 4097 человек [Мальцев 2007: 72].

Русь в IX-X вв. с точки зрения демографии имела немало сходства с Сибирью в XVII-XVIII вв.: малочисленное и сильно рассредоточенное по огромной территории население, как славянское, так и финно-угорское. Варягов тоже было немного, к примеру, постоянное население Сарского городища (с многочисленным скандинавским материалом) оценивается всего в 40 человек. В таких условиях варягам невозможно было набрать тысячи и тысячи рабов. Между тем, если считать по количеству дирхемов, то набираются фантастические цифры. Если предположить, что половину от вырученных в год 1,2 млн дирхемов получали от продажи рабов, при средней цене за раба в 100 дирхемов (по И.Я. Фроянову) получается продажа 6 тысяч рабов ежегодно. Для перевозки этих рабов на рынок в Булгар (а мы знаем, что русы приезжали торговать раз в год, то есть вся партия рабов должна была завозиться одновременно), потребовалось бы более 600 речных судов, не считая судов для пушного товара и необходимых для торговой экспедиции припасов. Это невероятно много, на деле продажа рабов вряд ли превышала сто человек в год, как то видно по материалам продажи невольников в Оренбургской крепости в XVIII в.

Кстати, сам Толочко, рассматривая русскую работорговлю в Константинополе, также пришел к выводу о весьма небольших ее масштабах, не более сотни рабов в год, или по два невольника на 50 русских купцов, имеющих право пребывать в столице (с. 245).

Это обстоятельство нисколько не помешало ему дойти до смехотворного вывода о том, что большинство невольников умирало в пути или в месте, где их собирали перед отправкой, и что огромный могильник в Гнездово – это по большей части кладбище умерших рабов (с. 228). Интересно, что мешало работорговцам просто бросить труп умершего раба в Днепр? К тому же сооружение довольно большой курганной насыпи в те времена было весьма трудоемкой задачей, и очень трудно предположить, что столь масштабные земляные работы выполнялись ради погребения рабов.

Иными словами, Толочко, сделав ставку на работорговлю, определенно запутался и дошел до более чем странных выводов. Известные по независимым источникам факты (ибн-Фадлан упоминает, что русы торгуют преимущественно пушниной), а также сибирская параллель противоречат его концепции. Это обстоятельство не позволяет согласиться с его реконструкцией древней истории Руси и возникновения государства из компании работорговцев.

Основным экспортным товаром русов была, несомненно, пушнина – товар сравнительно легкий и компактный, весьма ценный, который, в отличие от раба, не

потребляет припасов. Грандиозная выручка от торговли в серебряных дирхемах заставляет предполагать, что русы организовали промышленную заготовку пушнины в масштабах более чем полумиллиона шкурок в год. Таким образом, их власть распространялась на обширные территории, а не только на речные пути, как считает Толочко. Создание сети опорных пунктов, извлечение огромной массы пушнины (мы точно не знаем, каким образом, но не будет нереалистичным предположить, что значительная часть доставалась русам в виде дани), и, как следствие, контроль над населением огромной территории – все это требует политической и административной организации, чего-то вроде протогосударства. На этой основе и выросла потом всем известная Русь, причем унаследовавшая от своих варяжских прародителей стремление к подчинению огромных территорий ради пушнины.

Таким образом, книга Толочко имеет две стороны: блестящее доказательство искусственного, литературного характера летописи и слабая концепция реконструкции ранней истории Руси. Второе, впрочем, вытекает из первого. Толочко, как филолог, в исключительной степени доверяет письменным источникам, потому и строит свои гипотезы на этой основе, хотя давно уже понятно, что возможностей письменных источников явно недостаточно и требуется комплексный анализ археологических данных. Работа Толочко доказала в своей неудачной части, что без археологии в историю Древней Руси проникнуть нельзя.

Верхотуров Д.Н.,
независимый исследователь,
г. Москва
e-mail: wehr@yandex.ru

Литература

Лаппо-Данилевский 1890 – Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском Государстве со времен смуты до эпохи преобразований. – СПб., 1890.

Мальцев 2007 – Мальцев И.А. Легальное рабство в Сибири и Оренбургском крае в XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2007. № 3. С. 71-77.

Огородников 1890 – Огородников В.В. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. – СПб., 1890.

Плохов 2003 – Плохов А.В. Неизвестные находки из раскопок 1940 года в Старой Ладогe // Новгород и новгородская земля. История и археология: Материалы научной конференции, Новгород, 28-30 января 2003. – Великий Новгород, 2003. С. 292-303.

Погодин 1839 – Погодин М.П. Нестор. Историко-критическое рассуждение о начале русских летописей. – М., 1839.

Старцев, Гончаров 1999 – Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX в.). – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 1999.

Krug 1848 – Krug Ph. *Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. Erster Theil.* St. Petersburg, 1848.

